

ПОЧТОВЫЙ ГОЛУБЬ

Триест, столица Иллирии, распадается на два совсем непохожих города: богатый новый город - Терезиенштадт, с прямыми, широкими улицами, на берегу залива, где с давних пор обосновался человек, и бедный старый город, построенный кое-как, зажатый между широкой улицей Корсо, отделяющей его от нового города, и склонами невысокой горы Карст, вершину которой украшает старинная крепость. Триестский порт защищен молом Сан-Карло, возле которого стоят на якоре преимущественно торговые суда. Здесь околачивается множество бродяг, не имеющих ни кола ни двора, одетых в драные штаны, жилеты и куртки, не нуждающиеся ни в каких карманах, ибо у их владельцев никогда не было и, вероятно, никогда не будет, чем их наполнить; порой эти оборванцы собираются в довольно многочисленные шайки, наводящие страх на местных жителей. В этот день, 18 мая 1867 года, среди множества бродяг можно было заметить двух человек, одетых немного лучше других. Однако их тоже вряд ли когда-либо обременяло излишнее количество флоринов или крейцеров, для этого им должно было бы улыбнуться счастье. И, право, эти двое готовы были на все, лишь бы заставить его улыбнуться! Один из них, по имени Саркани, говорил, что родился в Триполитании. Другой - Зироне - был выходцем из Сицилии. Спутники раз десять прошли по молу туда и обратно и, наконец, остановились на самом его конце. Они пристально смотрели на запад в морскую даль, как будто ждали, что там появится судно, везущее им богатство! - Который час? - опросил Зироне по-итальянски; его спутник так же свободно владел этим языком, как и другими наречиями, распространенными на берегах Средиземного моря. Саркани не ответил. - Ах я дурак! - воскликнул сицилиец. - Ведь теперь как раз тот час, когда человеку хочется есть, особенно если он забыл позавтракать! В этой части Австро-Венгерского государства люди австрийского, итальянского и славянского происхождения так перемешались, что дружба двух иностранцев, которые были несомненно чужаками в этом городе, не могла никому показаться странной. К тому же, если их карманы и были пусты, никто не мог об этом догадаться, так важно они расхаживали в своих длинных коричневых плащах. Младший из них, Саркани, был стройный молодой человек среднего роста, с изящными манерами, лет двадцати пяти. Его звали Саркани - и все. Иного имени он не имел. Вероятно, он даже не был крещен, так как, по-видимому, родился в Африке - в Триполи или Тунисе; но хотя у него и была смуглая кожа, правильные черты лица скорее указывали на арабское, чем на негритянское происхождение. Вряд ли когда-либо встречалась на свете более обманчивая внешность! Только очень проницательный наблюдатель мог бы разгадать, какое глубокое коварство таится в этом красивом лице с большими черными глазами, тонким носом и хорошо очерченным ртом, опущенным темными усиками. Пожалуй, никто бы не разглядел в этих бесстрастных чертах тайной ненависти и презрения, свидетельствующих о постоянных злоумышлениях против общества. Хотя физиономисты утверждают (и в большинстве случаев справедливо), что всякий обманщик, несмотря на всю свою ловкость, когда-нибудь да выдаст себя, Саркани был несомненно исключением из этого правила. Глядя на него, никто не заподозрил бы, ни кто он такой, ни кем он был раньше. Он не вызывал того невольного отвращения, какое возбуждают в нас мошенники и воры. Тем он был опаснее. Как прошли детские годы Саркани? Этого никто не знал. Вероятно, он был совсем заброшенным ребенком. Кто и как его воспитывал? В какой дыре ютился он первые годы своей жизни в Триполитании? Чьи заботы оградили мальчика от многочисленных опасностей, подстерегавших его в этой дикой стране? По правде сказать, на эти вопросы никто не мог бы ответить, вероятно, даже он сам, - родился он по воле случая, рос по воле случая и был обречен жить по воле случая! Однако за время своей юности он кое-чему научился, вернее, приобрел практические навыки, так как ему с ранних лет пришлось колесить по свету, встречаться со всевозможными людьми, пускаться на всякие уловки, чтобы не умереть с голоду. И вот, по прихоти судьбы, несколько лет тому назад он вошел в сношения с одним из самых богатых домов Триеста - с домом банкира Силаев Торонталья, имя которого неразрывно связано с нашим рассказом. Спутник Саркани - итальянец Зироне - был из тех людей без стыда и совести, которые всегда готовы участвовать в грязном деле или оказать любую услугу тому, кто хорошо заплатит, и тут же перейти на сторону того, кто заплатит еще лучше. Этому выходцу из Сицилии было лет тридцать; ему ничего не стоило подстрекнуть человека на злое дело или послушаться дурного совета и с охотой привести его в

исполнение. Где он родился? Быть может, он бы и ответил, если бы только знал сам. Во всяком случае, он неохотно сообщал, где живет, даже когда у него и было жилье. Скитаясь по Сицилии, он случайно встретился с Саркани. С тех пор они вместе бродили по свету, стараясь правдами или неправдами набить себе карманы. Зироне, рослый, бородатый детина, с очень смуглым лицом и черными, как смоль, волосами, был человеком себе на уме; его врожденную хитрость выдавали всегда прищуренные глаза и манера лукаво покачивать головой, свое коварство он пытался спрятать под напускной болтливостью. Впрочем, он обладал скорее веселым нравом и был настолько же развязан, насколько его молодой спутник сдержан и молчалив. На этот раз Зироне болтал меньше, чем всегда. Видно, его тревожила мысль об обеде. Накануне, когда Саркани сел за карты в каком-то грязном притоне, удача окончательно отвернулась от них, и они оказались совсем на мели. Теперь оба не знали, за что взяться. Они могли надеяться только на счастливый случай, а так как этот покровитель босяков не спешил им навстречу на молу Сан-Карло, то они решили сами поискать его на улицах нового города. Там, на проспектах и площадях, на набережных и бульварах, в порту и прилегающих к нему кварталах, на берегах большого канала, пересекающего Триест, толпятся, снуют туда-сюда, спешат, суетятся, бегут, по своим делам обитатели этого города, насчитывающего семьдесят тысяч жителей итальянского происхождения, и их венецианский говор смешивается с многоязычным говором моряков, купцов, чиновников и разных должностных лиц, которые вносят в этот разноголосый концерт звуки немецкого, английского, французского и славянских языков. Но как ни богат новый город, не следует думать, что все встречные и поперечные на его улицах непременно люди состоятельные. Нет! Даже самые зажиточные из его жителей не могут тягаться с английскими, армянскими, греческими и еврейскими купцами, занимающими самое высокое положение в Триесте и чьи роскошные дома ничуть не уступают лучшим домам австро-венгерской столицы. Но, помимо них, сколько несчастных бедняков с утра до вечера бродят по богатым торговым улицам, мимо запертых, подобно несгораемым шкафам, высоких зданий, где заключают всевозможные торговые сделки многие дельцы, съехавшиеся в этот порт, так удачно расположенный в самом сердце Адриатики! Сколько оборванцев, которым не пришлось позавтракать и вряд ли удастся пообедать, толпятся вокруг причалов, где с судов, принадлежащих самой могущественной в Европе мореходной компании "Австрийский Ллойд", выгружают несметные богатства, привезенные со всех концов света! Сколько жалких бродяг, каких мы видим сотни в Лондоне, Ливерпуле, Марселе, Гавре, Антверпене, Ливорно, сталкиваются здесь с богатыми судовладельцами, бродя возле складов, куда им вход воспрещен, возле Биржи, двери которой для них всегда заперты, у входа в Тергестеум, где "Ллойд" разместил свои конторы и приемные и где он ведет свои дела в полном согласии с Торговой палатой. Известно, что во всех больших портовых городах Старого и Нового Света можно видеть совсем особую толпу обездоленных, встречающихся только в этих крупных центрах. Откуда они взялись, никто не знает. Что они пережили - никому нет дела. Что с ними будет - они и сами не ведают. Среди них довольно много людей опустившихся и немало иностранцев. Железные дороги и торговые суда выбросили их словно тюки с негодным товаром, и они всем мешают, нарушая нормальную жизнь города, откуда полиция тщетно старается их изгнать. Итак, Саркани и Зироне, последний раз окинув взглядом бухту с маяком на мысу св.Терезы, покинули мол и, пройдя между зданием "Театро Коммунален и сквером, вышли на Пьяцца Гранде; с четверть часа они прогуливались у подножия памятника Карлу VI возле фонтана, сложенного из камня, добытого на ближней горе Карст. Затем они свернули налево. Зироне так внимательно приглядывался к прохожим, как будто испытывал непреодолимое желание их обобрать. Они подошли к громадному квадратному зданию Тергестеума как раз в час закрытия Биржи. - Сейчас на бирже пусто, как у нас в кармане! - воскликнул, смеясь, Зироне, хотя ему было вовсе не до смеха. Но равнодушный Саркани, казалось, даже не слышал плоской остроты своего спутника, который поеживался и зевал от голода. Они пересекли треугольную площадь, на которой возвышалась бронзовая статуя императора Леопольда I. Зироне свистнул, словно уличный мальчишка, и перед ним взлетела стая сизых голубей, которые обычно воркуют под портиком старой биржи, подобно серым голубям, живущим под аркадами Прокураций на площади св.Марка в Венеции. Здесь начиналась улица Корсо, отделяющая старый Триест от нового. Они двинулись по этой широкой, но довольно неприглядной улице, с бойко торгующими, но безвкусно отделанными магазинами, скорей напоминающей Риджент-стрит в Лондоне или Бродвей в Нью-Йорке, чем Итальянский бульвар в Париже. По ней сновало множество прохожих и то и дело проезжали

кареты, направляясь от Пьяцца Гранде к Пьяцца делла Ленья, - эти названия указывают на несомненное итальянское происхождение города. Саркани шел с видом человека равнодушного ко всяким искушениям, но Зироне, проходя мимо магазинов, бросал на них жадные взгляды, как человек, который стремится, но не имеет возможности туда войти. А сколько там было вещей, в которых оба они так нуждались! Особенно соблазняли их лавки со съестными припасами или пивные, где пиво всегда льется рекой, больше, чем в любом другом городе Австро-Венгерского государства. - На Корсо есть и пить хочется еще сильнее! - заметил Зироне и прищелкнул пересохшим языком, словно трещоткой. В ответ Саркани только пожал плечами. Они свернули в первую улицу налево, вышли к каналу возле подъемного моста Понто Россо и направились вдоль набережной, к которой могли приставать даже самые крупные морские суда. Тут приятелей больше не соблазняли приманки, выставленные в витринах магазинов. Дойдя до церкви Сант-Антонио, Саркани внезапно свернул направо. Его спутник последовал за ним без всяких возражений. Они снова пересекли Корсо и углубились в старый город, узкие, непроезжие улочки которого карабкаются по склонам Карста и расположены таким образом, чтобы их не продувал жестокий ветер "бора" - ужасный ледяной северо-восточный ветер. В старом Триесте Саркани и Зироне, не имевшие ни гроша в кармане, чувствовали себя как дома, не то что в роскошных кварталах нового города. Действительно, приехав в столицу Иллирии, они поселились в скромной гостинице, близ церкви Санта-Мария-Маджоре. Но так как хозяин, до сих пор не получивший от них ни флорина, все настойчивей требовал оплаты счета, который с каждым днем увеличивался, они обошли этот опасный риф, пересекли площадь и некоторое время прогуливались вокруг Арко ди Рикардо. Однако они пришли сюда совсем не для осмотра этого памятника римской архитектуры. А так как счастливый случай все не подвертывался им и на этих безлюдных улицах, они отправились искать его на крутых тропинках, ведущих к старому собору, стоявшему на террасе почти у самой вершины Карста. - И дернула же тебя нелегкая карабкаться наверх! - пробормотал Зироне, подбирая полы своего плаща. Но он не покинул своего молодого товарища, и снизу можно было видеть, как они взбирались друг за другом на склоны Карста по лестницам, которые называются здесь улицами. Десять минут спустя они добрались до террасы, еще более голодные и усталые, чем раньше. С этой высокой точки перед приятелями открылся великолепный вид: Триестский залив, уходящий в безбрежное море; оживленная гавань, где сновали рыбацьи лодки и медленно двигались громадные пароходы и торговые суда; большой город, раскинувшийся у их ног, со всеми его пригородами, маленькими домиками, громоздившимися по склонам, и красивыми виллами, разбросанными на холмах. Однако это зрелище не восхищало приятелей. Они уже повидали на своем веку немало живописных мест, да к тому же не раз гуляли здесь и раньше, спасаясь от скуки и безделья. Зироне во всяком случае предпочел бы слоняться перед заманчивыми витринами на Корсо. Но раз уж они залезли так высоко в погоне за счастливым случаем, оставалось только терпеливо его дожидаться. У самой лестницы, выходящей на террасу, возле византийского собора св.Юста есть огороженное место, бывшее кладбище, ставшее музеем старины. Там не сохранилось могил, кругом валяются лишь каменные обломки старых надгробных памятников: разбитые римские стелы и средневековые столбы, куски триглифов и разных украшений эпохи Возрождения, черепки разбитых урн со следами пепла - все эти осколки старины лежат вперемежку в траве, у подножия прекрасных деревьев. Калитка кладбища была не заперта. Саркани толкнул ее и вошел, а за ним и Зироне, который меланхолично заметил: - Вот самое подходящее место для самоубийства. - А что, если бы тебе предложили покончить с собой? - насмешливо спросил Саркани. - Ну нет, приятель, я бы отказался наотрез! Пусть у меня будет всего один счастливый день в неделю, с меня и этого довольно. - Ты его получишь, и даже больше! - Да услышат тебя все святые Италии, а их здесь, клянусь богом, насчитывают целые сотни! - Ну идем! Они прошли по полукруглой аллее, между двумя рядами урн и уселись на лежащей в траве огромной каменной розетке. Сначала они молчали, что было по душе Саркани, но совсем не устраивало его спутника. Подавляя зевоту, Зироне вскоре сказал: - Черт подери! Счастливый случай что-то не торопится, а мы-то сдуру так надеялись на него! Саркани промолчал. - Что за дурацкая затея искать его среди этих развалин! Боюсь, что мы дали маху, приятель! За каким чертом ползет он сюда на это старое кладбище? Когда души покинули свою земную оболочку, он им больше не нужен. И когда я буду тут лежать, мне тоже будет наплевать на запоздавший обед или пропущенный ужин. Идем-ка отсюда! Но Саркани, погруженный в свои мысли, сидел с отсутствующим видом и не двинулся с места. Несколько минут Зироне

молчал, но вскоре на него напала обычная болтливость. - Саркани, - начал он, - знаешь, в каком обличье мне больше всего хотелось бы повстречать счастливый случай, который, кажется, забыл своих старых клиентов? В образе кассира из банка Торонталья, который явился бы сюда с портфелем, набитым банковскими билетами, и передал бы нам сей портфель от имени упомянутого банкира, рассыпаясь в извинениях за то, что заставил нас ждать! - Слушай, Зироне, - ответил Саркани, сердито хмуря брови, - в последний раз говорю тебе, что нам нечего больше ждать от Силаса Торонталья. - Ты уверен? - Да! Кредит, которым я у него пользовался, теперь исчерпан, и на мою последнюю просьбу он ответил решительным отказом. - Плохо дело! - Очень плохо, но это именно так. - Ладно, допустим, что сейчас твой кредит исчерпан, но раньше ты ведь пользовался кредитом? А на чем он был основан? На том, что ты не раз отдавал свой ум и способности банку Торонталья для выполнения разных... щекотливых дел. Вот почему первые месяцы после нашего приезда Торонталь был не слишком прижимист. Не может быть, чтобы ты и сейчас не держал в руках каких-нибудь нитей, а если ему пригрозить... - Если бы дело стало только за этим, оно давно было бы на мази, - пожал плечами Саркани, - и ты не бегал бы в поисках обеда! Нет, черт возьми! Я не держу Торонталья в руках, но если это когда-нибудь случится, уж я сорву с него хороший куш и заставлю его выплатить мне проценты и проценты на проценты с тех денег, в каких он мне сейчас отказывает! Вдобавок я подозреваю, что дела его банка последнее время немного запутались, он вложил большие суммы в сомнительные предприятия. Несколько крупных банкротств, произошедших в Германии - в Берлине и Мюнхене, - отразились и на банках Триеста, и что бы ни говорил Силас Торонталь при нашем последнем свидании, мне показалось, что он чем-то встревожен. Надо дать воде замутиться, а в мутной воде... - Пусть так, но пока у нас осталась только чистая вода для питья! Послушай, Саркани, мне кажется, надо еще разок попытаться выжать что-нибудь из Торонталья! Последний раз постучаться в его кассу и добыть хотя бы денег на дорогу в Сицилию через Мальту... - А что нам делать в Сицилии? - Это уж моя забота! Я хорошо знаю страну и могу набрать по дороге шайку мальтийцев, смелых ребят, без предрассудков, с которыми можно пуститься на любые дела. Тысяча чертей! Чем тут сидеть на мели - лучше уедем и заставим этого проклятого банкира оплатить нам дорожные расходы! Хотя ты и мало знаешь о его делах, кое-что ты знаешь, и он будет рад, если ты уберешься подальше от Триеста! Саркани покачал головой. - Черт возьми! Дальше это не может продолжаться! Ведь так можно подохнуть с голоду! Он встал и сердито топнул ногой о землю, словно она была ему злой мачехой и не желала его кормить. В эту минуту глаза его остановились на птице, тяжело летевшей за оградой кладбища. Это был голубь; он с трудом махал усталыми крыльями и постепенно опускался все ниже к земле. Зироне, не задумываясь над тем, к какой из ста семидесяти семи пород голубей, известных орнитологам, принадлежит эта птица, сразу решил, что она относится к разряду съедобных. Вот почему, указав на нее своему спутнику, он стал жадно следить за ней. Голубь, по-видимому, совсем выбился из сил. Он пытался отдохнуть, присев на выступ в стене старого собора, к которому примыкала высокая, квадратная, еще более старинная башня. Но, окончательно обессилив, он опустился ниже и сел на крышу над небольшой нишей, где стояла статуя св.Юста; вскоре его ослабевшие лапки разжались, и он соскользнул на капитель античной колонны, стоявшей между башней и фасадом собора. Саркани по-прежнему сидел задумавшись и перестал следить за птицей, но Зироне не спускал с нее глаз. Голубь прилетел с севера. Как видно, он проделал далекий путь, и силы его истощились. А в то же время инстинкт толкал его вперед, к какой-то отдаленной цели; поэтому он снова взлетел, но, описав в воздухе дугу, вынужден был опуститься и скрылся в ветвях одного из деревьев кладбища. Тут Зироне решил его поймать и осторожно пополз по траве к дереву. Вскоре он добрался до подножия толстого, узловатого ствола, по которому мог бы легко вскарабкаться на вершину. Он застыл на месте, молчаливый и неподвижный, как собака на стойке, ожидая, когда дичь взлетит на дерево и спрячется в ветвях у него над головой. Голубь не заметил Зироне и попытался продолжать полет, но силы вновь покинули его, и он упал на землю, в нескольких шагах от дерева. Броситься вперед, протянуть руку и схватить птицу было для сицилийца делом одной секунды. Он собирался тут же задушить бедняжку, но вдруг вскрикнул от удивления и вернулся к Саркани. - Почтовый голубь, - сказал он. - Ну что ж! Этот почтальон, видно, совершил свое последнее путешествие! - Конечно, и тем хуже для тех, кому он нес эту записку под крылом! - Записку? - воскликнул Саркани. - погоди, Зироне, погоди! Если так, дадим ему отсрочку. И он остановил руку своего товарища, собиравшегося уже свернуть пленнику шею. Затем, взяв мешочек, который Зироне достал из-под крыла

птицы, открыл его и вынул зашифрованную записку. В записке было всего восемнадцать слов, написанных в три колонки, следующим образом: зцифну исайтчу оехивр сигдкн ыуелмс иоееттж оишевк ониввп ошзаяг взааий лнаода риевийо кзтяси тлнрго смпвси еонрам сиупвс еаднжр Откуда была послана записка и кому она предназначалась? Об этом не говорилось ни слова. А разве можно разгадать эти восемнадцать слов, состоящих из равного количества букв, не зная шифра? Вряд ли! Для этого надо быть очень ловким отгадчиком; к тому же неизвестно, можно ли ее вообще расшифровать! Саркани был очень разочарован и в замешательстве смотрел на криптограмму, в которой ничего не понимал. Быть может, в записке содержатся важные и даже компрометирующие кого-нибудь сведения? Весьма вероятно, судя по тому, какие предосторожности были приняты, чтобы ее не могли прочесть, если она попадет в чужие руки. Уж если записку не захотели доверить ни почте, ни телеграфу, а воспользовались необыкновенным инстинктом почтового голубя, чтобы ее переслать, значит речь шла о деле, которое хотели сохранить в абсолютной тайне.

- А вдруг в этой записке содержится такая тайна, которая могла бы принести нам богатство, - заметил Саркани.

- Так, значит, счастливый случай, за которым мы гонялись все утро, прилетел к вам в виде этого голубя! - воскликнул Зироне. - Черт возьми! А я-то чуть его не задушил! Впрочем, самое главное - захватить послание, а посланца можно с успехом сварить... - Не спеши, Зироне, - ответил Саркани, еще раз спасая голубя жизнь, - птица поможет нам узнать, кому послана записка, если, конечно, этот человек живет в Триесте. - Ну, а потом? Она не поможет тебе ее прочесть! - Нет. - И ты не узнаешь, откуда ее послали. - Конечно. Но если мне удастся найти одного из корреспондентов, быть может, я смогу разыскать и второго. Значит, вместо того чтоб убивать эту птицу, надо помочь ей восстановить свои силы и долететь до места назначения. - С запиской? - Да, с запиской. Но сперва я сниму с нее точную копию и спрячу до того времени, когда она сможет мне пригодиться. Саркани, вынув из кармана записную книжку и карандаш, тщательно переписал записку. Зная, что в криптограммах нельзя упускать ни одной мелочи, он постарался точно сохранить расстановку слов и букв. Затем спрятал копию в карман, а записку вложил в мешочек и снова привязал под крылом голубя. Зироне следил за ним, по-видимому, не разделяя надежд, которые его товарищ возлагал на этот неожиданный случай. - А теперь? - спросил он. - Теперь позаботься о посланце и помоги ему оправиться. В самом деле, голубь обессилел скорее от голода, чем от усталости. Крылья его были невредимы, на них не видно было ни переломов, ни ушибов, значит его слабость не была вызвана ни свинцовой дробиной охотника, ни камнем, брошенным скверным мальчишкой. Он просто хотел есть, а еще больше пить. Зироне нашел на земле несколько червячков, насекомых и зернышек, и голубь с жадностью их проглотил; затем, подобрав черепок старинной урны, в котором осталось несколько капель воды после дождя, Зироне напоил его. Не прошло и получаса, как отдохнувший и подкрепившийся голубь был уже в состоянии продолжать свое прерванное путешествие. - Если ему предстоит далекий путь, - заметил Саркани, - и место его назначения где-то за пределами Триеста, тогда нам все равно, долетит ли он, или свалится по дороге, ведь мы скоро потеряем его из виду. Если же он летит в один из триестских домов, то у него хватит сил до него добраться, ибо ему осталось лететь всего одну-две минуты. - Ты совершенно прав, - ответил Зироне. - Но сможем ли мы проследить за ним до того места, где он сядет, даже если он не улетит за пределы города? - Ну что ж, постараемся сделать все, что в наших силах. И вот что они сделали. К романскому собору, имевшему два придела, посвященные Богородице и покровителю Триеста св.Юсту, примыкает высокая башня; она стоит вплотную к фасаду, где под большим круглым окном, с резным каменным переплетом, находится главный вход в здание. Эта башня господствует над всей Карстской возвышенностью, и город раскинулся под ней словно рельефная карта. С этой высокой точки легко разглядеть многочисленные крыши города, от самых склонов горы до берегов бухты. Значит, если выпустить голубя с верхушки башни, может быть, удастся проследить за его полетом и разглядеть, в какой дом он опустится, если только он летит в Триест, а не в какой-либо другой город на Иллирийском полуострове. Возможно, что они добьются успеха. Во всяком случае, стоило попытаться. Оставалось только выпустить голубя на свободу. Саркани и Зироне покинули старое кладбище, пересекли небольшую лужайку перед церковью и направились к башне. Одна из маленьких стрельчатых дверей под античным карнизом - та, что находилась под нишей со статуей св.Юста, - была открыта. Войдя в нее, они стали подниматься по крутым ступенькам винтовой лестницы. Минуты через три они очутились под самой крышей башни; наверху не было открытой площадки, но два окна в стенах башни

позволяли охватить взглядом весь горизонт - и холмы и море. Саркани и Зироне стали перед окном, выходящим на северо-запад; внизу раскинулся Триест. В эту минуту часы на башне старинного замка шестнадцатого века, стоявшего на вершине Карста позади собора, пробили четыре. Было еще совсем светло. Воздух был чист и прозрачен, солнце только начало склоняться к водам Адриатики, и городские дома, обращенные фасадами к башне, были ярко освещены. Итак, все складывалось как нельзя лучше. Саркани взял в руки голубя, покровительственно погладил его напоследок и выпустил на волю. Птица забила крыльями, но сперва стала быстро опускаться вниз, и казалось, что воздушный гонец закончит свой путь ужасным падением. Несдержанный сицилиец невольно вскрикнул с досады. - Нет! Он поднимается! - возразил Саркани. И в самом деле, над землей голубь выровнял свой полет и, описав петлю, устремился к северо-западной части города. Саркани и Зироне следили за ним, не отрывая глаз. Выбрав нужное направление, птица, подчиняясь своему чудесному инстинкту, летела без всяких колебаний." Чувствовалось, что она стремится прямо к цели, туда, где она была бы уже час тому назад, если бы не эта вынужденная остановка под деревьями старого кладбища. Саркани и его приятель продолжали следить за голубем с напряженным вниманием. Они спрашивали себя, не собирается ли он вылететь за черту города, что расстроило бы все их планы. Но этого не случилось. - Я его вижу! Я его вижу! - восклицал Зироне, обладавший на редкость острым зрением. - Главное, надо приметить, куда он сядет, и точно определить, где находится это место. Через несколько минут голубь опустился на крышу дома с высоким острым коньком, среди группы деревьев, в той части города, где расположена больница и городской сад. Он тут же исчез в слуховом окне мансарды, хорошо заметном издали, так как над ним поднимался ажурный металлический флюгер, который, будь Триест фламандским городом, наверняка оказался бы творением Квентина Метсу. Теперь, установив основное направление, они думали, что будет не слишком трудно отыскать по резному флюгеру высокий конек крыши со слуховым окном, а затем и дом, где жил человек, которому предназначалось послание. Саркани и Зироне сразу двинулись в путь и, спустившись по склону Карста, углубились в переулочки, ведущие к Пьяцца делла Ленья. Они старались не сбиться с направления и выйти к группе домов, образующих западный квартал города. Дойдя до пересечения двух крупных городских артерий: улицы Корса-Стадион, ведущей к городскому саду, и Акведотто, красивой, обсаженной деревьями аллеи, выходящей к большому ресторану Боскетто, приятеля остановились, в нерешительности. Куда теперь свернуть - направо или налево? Они инстинктивно выбрали правую улицу, решив обследовать на ней один за другим все дома, пока не найдут того, над которым приметили флюгер, поднимающийся над группой деревьев. Так шли они по Акведотто, внимательно разглядывая крыши домов, но все не находили той, которую искали, пока не дошли до самого конца улицы. - Вот она! - воскликнул вдруг Зироне. И он указал на крышу, над которой торчал на железном шпиге флюгер, скрипевший на ветру; под ним виднелось слуховое окно, с летающими вокруг голубями. Тут не могло быть ошибки. Именно сюда спустился почтовый голубь. Небольшой скромный дом стоял среди группы домов в самом начале улицы Акведотто. Саркани навел справки у лавочников по соседству и вскоре разузнал все, что ему было нужно. Этот дом уже много лет принадлежал жившему в нем графу Ладиславу Затмару. - Кто такой граф Затмар? - спросил Зироне, которому это имя ничего не говорило. - Как кто? Граф Затмар! - Но ведь мы могли бы расспросить... - Потом, Зироне, незачем спешить! Выдержка и спокойствие. А теперь пойдем к себе в гостиницу. - Да! Теперь как раз время обеда для тех, кто может себе позволить сесть за стол! - иронически заметил Зироне. - Если мы сегодня и не пообедаем, то весьма возможно, что пообедаем завтра. - У кого? - Как знать, Зироне, быть может, у графа Затмара! Они отправились не торопясь - к чему спешить? - и вскоре пришли в свою дешевую и все же слишком роскошную для них гостиницу, раз им нечем было заплатить за ночлег. Какой их ожидал сюрприз! На имя Саркани только что прибыло письмо. В конверт был вложен кредитный билет на двести флоринов и коротенькая записка, всего несколько слов: "Больше вы от меня ничего не получите. Этих денег вам хватит, чтобы добраться до Сицилии. Уезжайте, и чтобы, я никогда о вас не слышал. Силас Торонталь". - Ура! - крикнул Зироне. - Банкир все-таки одумался и очень кстати! Право, никогда не надо отчаиваться, если имеешь дело с денежными тузами! - И я так думаю, - ответил Саркани. - Значит, теперь у нас есть деньги, и мы можем уехать из Триеста? - Нет, мы можем остаться.

2. ГРАФ МАТИАС ШАНДОР

Венгры, или мадьяры, поселились в Венгрии в IX веке христианской эры. В настоящее время они составляют третью часть всего населения страны - более пяти миллионов человек. Являются ли венгры потомками испанцев, египтян или татар, произошли ли они от гуннов Аттилы или северных финнов - вопрос спорный. Да нам это и не важно. Однако следует подчеркнуть, что они не славяне и не немцы и, по-видимому, вовсе не желают онемечиваться. В XI веке венгры приняли католичество, которому остались верны до сих пор, и не раз показали себя ревностными католиками. Говорят они на своем древнем языке, на мягком, благозвучном языке своих предков, так хорошо передающем всю прелесть поэзии, и хотя он менее богат, чем немецкий, зато более краток и энергичен; в XIV и XVI веках он заменил латынь, употребляемую в законах и уложениях, и вскоре стал национальным языком. Но 21 января 1699 года по Карловицкому договору Венгрия и Трансильвания были присоединены к Австрии. Двадцать лет спустя было торжественно объявлено, что Австро-Венгерское государство останется навеки неделимым. За неимением сына наследницей престола могла стать дочь, по праву первородства. Благодаря этому новому закону в 1749 году на трон взошла Мария-Тереза, дочь Карла VI, последнего отпрыска мужской ветви Австрийского дома. Венгры были вынуждены склоняться перед силой; однако и полтора столетия спустя во всех слоях общества встречалось немало людей, не признававших ни объединения с Австрией, ни Карловицкого договора. В эпоху, к которой относится наш рассказ, в Венгрии жил мадьяр весьма знатного рода, которым всю жизнь владели два чувства: ненависть ко всему немецкому и надежда вернуть родине ее былую независимость. Он был еще молод, не раз встречался с Ко шутом, и хотя вследствие своего происхождения и воспитания придерживался других политических взглядов, он искренне восхищался мужеством великого патриота. Граф Матиас Шандор жил в Трансильвании, в округе Фагараш, в старинном феодальном замке. Этот замок, построенный на северных отрогах Восточных Карпат, отделяющих Трансильванию от Валахии, гордо возвышался над отвесной горной грядой во всей своей дикой красоте и казался неприступным убежищем заговорщиков, где они могли защищаться до последнего вздоха. Хозяин замка Артенак получал крупные доходы от умелой разработки близлежащих рудников, богатых железной и медной рудой. В его владения входила часть округа Фагараш, в котором насчитывалось не менее семидесяти двух тысяч жителей. Население области - и горожане и крестьяне - были преданы графу Шандору душой и телом и бесконечно благодарны ему за то добро, что он делал для всей округи. Вот почему его замок находился под особым наблюдением Венской канцелярии по венгерским делам, которая действовала совершенно независимо от других министерств империи. В высших сферах знали о свободолюбивых идеях Шандора и были ими встревожены, хотя до поры до времени его и не трогали. К этому времени Матиасу Шандору исполнилось тридцать пять лет. Широкоплечий, выше среднего роста, с гордо посаженной головой, он отличался крепким сложением и обладал большой физической силой. Его смуглое лицо, со слегка выдающимися скулами, представляло собой чисто мадьярский тип. Живость движений, четкость речи, спокойный и решительный взгляд, горячая кровь, струившаяся в его жилах и проявлявшаяся в легком трепете ноздрей и губ, часто мелькавшая улыбка - верный признак доброты, энергия, сквозившая и в словах и в жестах, - все свидетельствовало о прямой и великодушной натуре. Не раз замечали, что в характерах мадьяра и француза немало общих черт. Граф Шандор подтверждал это наблюдение. Следует отметить еще одну важную черту графа Шандора: он был довольно снисходителен, когда затрагивали его интересы, и легко забывал причиненное ему зло, но никогда не прощал и не мог забыть оскорблений, нанесенных его друзьям. На редкость справедливый, он ненавидел всякое вероломство. Тут он проявлял необыкновенную стойкость и непреклонность. Граф был не из тех, кто предоставляет лишь богу наказывать виновных на этом свете. Добавим, что Матиас Шандор получил весьма солидное образование. Он не любил бездельничать, хотя его состояние вполне ему позволяло это; у него были другие вкусы, и он занялся физикой, химией и медицинскими науками. Из него вышел бы замечательный врач, если бы ему пришлось ухаживать за больными, но он предпочел стать химиком и пользовался большим уважением среди ученых. Он прошел курс наук в Пештском университете, Пресбургской академии, Хемницком горном училище и Темешварском высшем педагогическом училище и всюду выделялся своими успехами. Скромная жизнь и усиленные научные занятия развили и укрепили его природные дарования. Он стал человеком в самом высоком смысле этого слова. Вот почему все знакомые графа так ценили его, особенно профессора многих

учебных заведений Австро-Венгрии, которые на всю жизнь остались его друзьями. В прежние годы в замке Артенак царило веселье и оживление. Трансильванские охотники любили встречаться на этих суровых отрогах Карпатских гор. Они устраивали шумные и опасные облавы, в которых граф Шандор проявлял весь свой воинственный пыл, так как не принимал участия в политической борьбе. Он держался в стороне от политики, но пристально следил за ходом событий. Казалось, что жизнь графа проходит в научных занятиях и светских развлечениях. В эти годы графиня Рена Шандор была еще жива. Она была душой веселых собраний в замке Артенак. За полтора года до начала нашего рассказа жизнь графини внезапно оборвалась; она умерла в полном расцвете молодости и красоты, оставив маленькую дочь, которой теперь исполнилось два года. Граф Шандор был глубоко потрясен этой утратой и никогда не мог с ней примириться. Замок затих и опустел. С той поры его владелец, погруженный в свое горе, вел жизнь отшельника. Он жил только для маленькой дочки, которую поручил заботам Рожены Лендек, жены управляющего замком. Эта преданная, еще не старая женщина посвятила всю свою жизнь наследнице Шандора и заботилась о ней как родная мать. Первые месяцы после смерти жены Матиас Шандор не покидал замка. Он искал уединения и жил воспоминаниями о прошлом. Но через некоторое время мысли о бедствиях угнетенной родины отвлекли его от собственного горя. Франко-итальянская война 1859 года нанесла страшный удар Австрийской империи. А спустя семь лет, в 1866 году, последовал еще более сокрушительный удар - разгром при Садове. Теперь Венгрия была прикована к дважды побежденной Австрии, которая не только лишилась своих итальянских владений, но и попала в зависимость от Германии. Национальная гордость венгров была оскорблена - такие чувства не повинуются голосу рассудка, здесь говорит голос крови. Венгры считали, что одержанные Австрией победы при Кустоцце и Лиссе не могли возместить поражения при Садове. Граф Шандор за этот год тщательно изучил политическую обстановку и решил, что борьба за отделение Венгрии может увенчаться успехом. Итак, настало время действовать. 3 мая 1867 года, расцеловав свою дочурку и оставив ее на попечение верной Рожены Лендек, граф Шандор покинул замок Артенак и отправился в Пешт, где встретился со своими друзьями и единомышленниками, чтобы принять важные решения; затем, через несколько дней, он переехал в Триест, где собирался развить свою деятельность. Здесь должна была находиться штаб-квартира заговорщиков. Отсюда протянутся во все стороны нити, сосредоточенные в руках графа Шандора. В этом городе руководители восстания будут не слишком на виду и смогут, не вызывая подозрений, пользуясь большей свободой и не подвергаясь опасности, осуществить свой великий замысел. В Триесте жили два самых близких друга Матиаса Шандора. Они разделяли его убеждения и твердо решили идти за ним до конца. Граф Ладислав Затмар и профессор Иштван Батори, оба лет на десять старше Матиаса Шандора, были знатные мадьяры, но не имели состояния. Один из них жил на скромный доход от небольшого имения в округе Липто, по ту сторону Дуная; другой преподавал физику в Триесте и зарабатывал на жизнь уроками. Ладислав Затмар жил на улице Акведотто, в доме, недавно привлечшем внимание Саркани и Зироне; это скромное жилище он предоставил в распоряжение Матиаса Шандора на все время его пребывания в Триесте, то есть до конца подготовлявшегося восстания, чем бы оно ни кончилось. Единственным слугой в этом доме был старый Борик, венгр лет пятидесяти пяти, человек столь же преданный своему хозяину, как управляющий замком Лендек владельцу Артенака. Иштван Батори занимал скромный домик на Корса-Стадионе, в том же квартале, что и граф Затмар. Его жизнь протекала в кругу семьи, состоявшей из жены и восьмилетнего сына Петера. Иштван Батори был подлинным, хотя и очень отдаленным потомком мадьярских князей, которые в XVI веке царствовали в Трансильвании. С течением времени этот род дал многочисленные разветвления и постепенно измельчал, и никто не подозревал, что одним из последних его представителей является скромный профессор Пресбургской академии. Иштван Батори был выдающимся ученым, одним из тех жрецов науки, что живут в уединении и становятся знаменитыми лишь благодаря своим трудам. О нем можно было бы сказать, как о шелковичном черве: "Inclusum labor illustrat" [уединение прославляет работу (лат.)]. Из-за своих политических убеждений, которых он никогда не скрывал, ему пришлось уйти в отставку, и, перебравшись в Триест вместе с женой, которая мужественно поддерживала его во всех испытаниях, он стал давать частные уроки. С приездом Матиаса Шандора, который официально снимал комнату в Палаццо Модело - нынешнем отеле Делорм - на Пьяццо Гранде, три друга стали постоянно встречаться в доме Ладислава Затмара. Полиции и в голову не приходило, что в скромном доме на Акведотто находится штаб-

квартира заговора, насчитывающего множество участников во всех крупных городах страны. Ладислав Затмар и Иштван Батори без всяких колебаний примкнули к Матиасу Шандору и стали его ревностными сообщниками. Они также считали, что теперь настало время начать борьбу за освобождение родины и вернуть Венгрии подобающее ей место в семье европейских держав. Они знали, что рискуют жизнью, но это не могло их остановить. Итак, дом на Акведотто стал местом встреч руководителей заговора. Множество единомышленников приезжало сюда из разных уголков страны за указаниями и распоряжениями. Почтовые голуби - быстрые воздушные гонцы - обеспечивали постоянную, надежную связь между Триестом, главными городами Венгрии и Трансильванией, когда требовалось послать инструкции, которые нельзя было доверить ни почте, ни телеграфу. Короче говоря, были приняты все предосторожности, и заговорщики до сих пор не вызвали ни малейших подозрений. К тому же, как мы знаем, они вели зашифрованную переписку, совершенно непонятную без ключа, а потому безопасную. Двадцать первого мая, через три дня после возвращения голубя, побывавшего в руках у Саркани, около восьми часов вечера, Ладислав Затмар и Иштван Батори сидели в рабочем кабинете хозяина дома и ждали Матиаса Шандора. Личные дела недавно заставили графа уехать в Трансильванию и побывать в своем замке. Он воспользовался этим путешествием, чтобы повидаться с некоторыми друзьями в Клаузенбурге, главном городе провинции, и сообщить им содержание той самой записки, с которой Саркани недавно снял копию; в этот день граф должен был вернуться в Триест. После отъезда графа Шандора Триест и Буда не раз обменивались посланиями, и голуби перенесли немало зашифрованных записок. Сейчас Ладислав Затмар как раз и занимался расшифровкой криптограмм, пользуясь ключом, известным под названием "сетки". Эти секретные записки составлялись очень простым способом: с помощью перестановки букв. При этом каждая буква сохраняла свое обычное значение, то есть "б" означало "б", "е" означало "е" и так далее. Но буквы нарочно переставлялись, и прочесть написанное можно было только с помощью сетки, которая закрывала ненужные буквы, оставляя открытыми нужные, в том порядке, в каком их следует читать. Эти сетки, известные с давних пор, усовершенствованы в наше время по системе полковника Флейснера; они остаются лучшим и самым верным способом составления криптограмм, не поддающихся расшифровке. Остальные системы с перестановкой букв, будь то системы с неизменной основой или же с простым ключом, где каждая буква алфавита всегда заменяется одной и той же буквой или значком (а также и системы с изменяющейся основой или с двойным ключом), не вполне надежны. Существуют опытные специалисты по расшифровке криптограмм, удивительные мастера в этом деле; иногда они основываются на простом расчете вероятностей, а иногда действуют наугад. Зная, какие буквы алфавита наиболее употребительны и потому должны чаще всего встречаться в криптограмме (так, например, "е" во французском, английском и немецком языках, "о" - в испанском, "а" - в русском, "е" и "и" - в итальянском), они находят их в зашифрованном тексте и постепенно отгадывают истинное значение каждой буквы в письме. Вот почему почти все криптограммы, составленные по такой системе, поддаются расшифровке умелых разгадчиков. Другое дело сетки или зашифрованные словари (в которых отдельные слова и даже целые фразы заменены цифрами); это самый надежный способ составлять неподдающийся прочтению текст. Однако обе эти системы имеют большой недостаток: они требуют соблюдения строжайшей тайны, ибо надо быть абсолютно уверенным, что словарь или сетка, которая служит ключом к данному тексту, не попадет в чужие руки. В самом деле, без словаря или сетки письма невозможно прочесть, зато, если ключ будет похищен, их сможет прочесть каждый. Итак, граф Шандор и его сообщники переписывались с помощью сетки, то есть квадратного куска картона, с прорезанными в нем дырочками; но из предосторожности, опасаясь, что сетка может быть украдена или потеряна, граф и его друзья, прочитав послания, немедленно их уничтожали. Таким образом не сохранялось никаких следов этого заговора, участники которого - самые знатные вельможи Венгрии, а также представители буржуазии и народа - рисковали своей головой. Ладислав Затмар только что сжег последние письма, когда в дверь кабинета тихонько постучали. Вошел Борик и ввел графа Матиаса Шандора, пришедшего пешком с вокзала. Ладислав Затмар быстро встал ему навстречу. - Ну, как прошла ваша поездка, Матиас? - с тревогой спросил он. - Очень удачно, Затмар! Я не сомневался в чувствах моих трансильванских друзей, и мы можем твердо рассчитывать на их помощь. - Ты сообщил им об известии, полученном из Пешта три дня назад? - спросил Иштван Батори, близкий друг графа, который был с ним на "ты". - Да, Иштван, я их предупредил. Они тоже готовы! Они поднимутся по первому сигналу. Через два часа

после выступления мы будем хозяевами Буды и Пешта, через двенадцать часов к нам присоединятся главные комитаты по обоим берегам Тиссы, а через день мы овладеем всей Трансильванией. И тогда восемь миллионов венгров вновь обретут независимость! - А как же сейм? - спросил Батори. - Большинство депутатов сейма - на нашей стороне. Они сейчас же сформируют новое правительство и возьмут управление страной в свои руки. Все произойдет быстро и в полном порядке, потому что комитаты пользуются самоуправлением, почти не зависят от власти короля и имеют собственную полицию. - Но ведь существует еще совет при наместнике и сам наместник - палатин в Буде! - заметил Ладислав Затмар. - Палатин и его совет будут лишены возможности действовать. - И не смогут сноситься с Венской канцелярией по венгерским делам? - Конечно. Мы приняли меры, чтобы выступить одновременно и сразу же добиться успеха. - Добиться успеха! Ты уверен? - Да, полного успеха! В армии все люди одной с нами крови, все венгры - за нас и выступят с нами! Разве найдется хоть один потомок древних мадьяр, чье сердце не затрепещет, когда взвоется славное знамя Родольфов и Корвинов! Эти слова были проникнуты высоким патриотическим чувством. - Но пока постараемся не возбуждать никаких подозрений. Будем осторожны, тогда мы станем еще сильнее! Вы не слышали никаких тревожных разговоров в Триесте? - Нет, - ответил Ладислав Затмар. - Здесь только и говорят, что о крупных работах, предпринятых правительством в Поле, для которых уже нанесли немало рабочих. Еще пятнадцать лет тому назад австрийское правительство, боясь потерять Венецианскую область (которая и была у него отнята впоследствии), задумало основать в Поле, на южной оконечности Истрийского полуострова, громадные арсеналы и военный порт, чтобы господствовать на Адриатике. Несмотря на протесты Триеста, морскому могуществу которого этот проект наносил ущерб, работы велись с лихорадочной быстротой. Поэтому Матиас Шандор и его друзья могли предполагать, что триестинцы охотно примкнули к движению за независимость Венгрии, когда узнают о нем. Но пока заговорщики соблюдали строгую тайну. Ничто не могло возбудить у полиции подозрений, ей и не снилось, что в этот день в скромном доме на улице Акведотто собрались руководители заговора. Итак, казалось, что все предусмотрено и задуманному перевороту обеспечен успех; оставалось только ждать подходящей минуты, чтобы начать решительные действия. Шифрованная переписка между Триестом, главными венгерскими городами и Трансильванией должна была сильно сократиться или даже совсем замереть, если только не произойдет каких-либо непредвиденных событий. Теперь, когда все приготовления уже закончены, почтовым голубям уже не придется переносить никаких посланий. Из осторожности решили даже не давать им больше пристанища в доме Ладислава Затмара. Известно, что деньги - главная пружина войны; то же можно сказать и о заговорах. Необходимо, чтобы в час восстания участники не испытывали недостатка в средствах. В такую минуту они должны быть всем обеспечены. Мы знаем, что Ладислав Затмар и Иштван Батори готовы были отдать жизнь за независимость родины, однако они не могли отдать своего состояния, так как обладали весьма ограниченными средствами. Но граф Шандор был чрезвычайно богат и вместе с жизнью готов был пожертвовать родине все свое достояние. Вот почему с помощью управляющего Лендека он за последние месяцы заложил свои земли и собрал очень крупную сумму - более двух миллионов флоринов. Он хотел иметь эти деньги под рукой и поэтому поместил их на свое имя в крупный и весьма солидный триестский банк с безупречной репутацией. Это был тот самый банк Торонталья, о котором толковали Саркани и Зироне, сидя на кладбище в старом городе. И это случайное совпадение имело самые серьезные последствия, как мы увидим из дальнейшего рассказа. В описанный вечер Матиас Шандор сообщил Затмару и Батори, что он решил зайти на днях к Силасу Торонталю и предупредить банкира, что в ближайшее время ему может понадобиться крупная сумма денег. В самом деле, события быстро развивались, и граф должен был вскоре подать из Триеста условленный сигнал к восстанию. А между тем в этот вечер ему показалось, будто за домом Ладислава Затмара кто-то следит, и это его сильно встревожило. Около восьми часов граф Шандор и Иштван Батори вышли на улицу; один из них направлялся домой на Корса-Стадион, а другой - в гостиницу Делорм; но тут им почудилось, что за ними, прячась в тени, следуют два подозрительных субъекта. Матиас Шандор и его друг решили узнать, кто их преследует, и, повернувшись, направились прямо к ним; но неизвестные быстро скрылись за углом церкви Сант-Антонио, стоявшей на берегу большого канала, так что друзья не успели их разглядеть.

3. БАНК ТОРОНТАЛЯ

В Триесте почти нет "высшего света". Люди разных национальностей и разных сословий встречаются очень редко. Австрийские должностные лица, на какой бы ступени административной лестницы они ни стояли, считают себя представителями светского общества. В большинстве это люди воспитанные, образованные к любезные; но получаемое ими более чем скромное жалование не соответствует их положению, и они не могут тягаться с купцами и финансистами. Богатые семьи редко устраивают приемы, а официальных собраний почти не бывает, поэтому денежные тузы вынуждены демонстрировать свое богатство вне дома: они появляются на улицах в роскошных каретах, а их жены выставляют свои пышные туалеты и драгоценности в ложах "Театро Коммунален и "Армении". Одним из самых богатых домов города считался в то время дом банкира Силаса Торонталья. Его главе, пользовавшемуся влиянием и за пределами Австро-Венгерской империи, исполнилось в то время тридцать семь лет. Банкир и его жена, которая была на несколько лет моложе, занимали большой особняк на улице Акведотто. Силас Торонталь считался очень богатым человеком, и, по-видимому, не без оснований. Смелые и удачные биржевые операции, крупные дела с обществом "Австрийского Ллойда" и другими торговыми компаниями, значительные вклады, хранящиеся в его банке, должны были приносить ему огромные доходы. Вот почему его дом был поставлен на широкую ногу, а сам он занимал очень видное положение в городе. Однако Саркани был, по-видимому, прав, и в настоящее время Торонталь попал - быть может, ненадолго - в затруднительное положение. Он, конечно, понес крупные потери семь лет тому назад, когда франко-итальянская война нанесла удар всем биржам и банкам; а затем после военной кампании, закончившейся разгромом при Садове и вызвавшей падение фондов во всей Европе, а особенно в австро-венгерских городах - Вене, Пеште, Триесте, его дела пошатнулись. В то время необходимость выплаты крупных сумм, положенных на текущий счет в его банк, поставила его в тяжелое положение. Но, по-видимому, он оправился после этого кризиса, и если Саркани сказал правду, то, значит, банкир с тех пор пустился в новые рискованные спекуляции, которые и подорвали дела его солидного банка. Действительно, за последние месяцы Силас Торонталь сильно изменился, хотя он, вероятно, этого не замечал. Выражение его лица стало другим, и он утратил былое самообладание. Теперь он не смотрел людям прямо в глаза, как прежде, а лишь украдкой бросал на них косые взгляды. Эту перемену заметила даже госпожа Торонталь, женщина болезненная, нерешительная, беспрекословно подчинявшаяся мужу и очень мало знавшая о его делах. Надо признаться, что если бы на банк Торонталья обрушился какой-нибудь серьезный удар, его владелец не мог рассчитывать на сочувствие общества. Правда, у него было множество клиентов и в городе и во всей стране, но очень мало друзей. Необыкновенное самомнение, тщеславие и заносчивость, с которой он обращался со всеми, не располагали к нему людей, и они сохраняли с ним лишь деловые отношения. Вдобавок жители Триеста считали его иностранцем, так как он приехал из Рагузы и по происхождению был далмат. У него не было в городе никаких родственных связей, хотя он и прожил здесь уже около пятнадцати лет, с тех пор как основал свой банк. В таком положении находился банк Торонталья. И хотя Саркани подозревал, что дела богатого банкира пошатнулись, ничто не подтверждало его мнения. Никто не, выражал недоверия Торонталю, по крайней мере открыто. Вот почему граф Матиас Шандор без колебаний доверил ему очень крупную сумму, с условием, что в любой день может взять ее обратно, предупредив об этом банкира лишь за сутки. Быть может, читатель удивится, как могли возникнуть какие-то отношения между одним из самых уважаемых банкиров и такой темной личностью, как Саркани. Однако эти отношения существовали и продолжались уже два-три года. В то время Силас Торонталь вел довольно крупные дела в Триполитании. Саркани, ловкач и пройдоха, хорошо разбирающийся в денежных вопросах, сумел втереться в эти дела, по правде сказать, порой довольно подозрительные. Были тут и тайные взятки, и неблагоприятные поручения, и незаконные поборы, с которыми Торонталь не хотел связывать свое имя. И вот Саркани взялся выполнять эти грязные махинации, а затем оказал Силасу Торонталю еще несколько услуг такого же рода. С тех пор Саркани не упускал случая сунуть нос в дела, или, вернее, запустить руку в карман банкира. Из Триполитании он приехал в Триест и продолжал шантажировать Торонталья. Не то чтобы банкир был действительно у него в руках, - после этих сделок не осталось никаких вещественных доказательств, - но положение банкира требует особой щепетильности в делах. Достаточно одного слова, чтобы причинить банку большой вред. А Саркани знал слишком много, и с этим приходилось считаться. Силас

Торнталь был очень осторожен. Саркани не раз получал от него порядочные суммы, но быстро спускал их в разных притонах, с беспечностью пройдохи, не думающего о завтрашнем дне. Перебравшись в Триест, Саркани вскоре стал так назойлив и требователен, что банкир потерял терпение и решительно отказался давать ему деньги. Саркани стал угрожать, но Силас Торнталь не испугался. И в самом деле, у вымогателя не было никаких улик, и Саркани должен был признаться, что он в сущности бессилён. Вот почему Саркани и его доблестный соратник Зироне с некоторых пор сидели на мели и Даже не могли уехать из Триеста в погоне за счастьем. Мы знаем, что, желая, наконец, отделаться от них, Торнталь в последний раз пришел им на помощь. Присланных им денег хватило бы на дорогу до Сицилии, где Зироне собирался вернуться в шайку бандитов, орудовавшую в восточных и центральных провинциях острова. Банкир надеялся, что теперь больше не увидит своего триполитанского агента и даже никогда не услышит о нем. Однако в этом он ошибался, как и во многом другом. Вечером 18 мая двести флоринов с запиской от Торнталья были доставлены в гостиницу, где остановились приятели. Шесть дней спустя, 24 мая, Саркани явился в дом банкира и потребовал свидания с ним; он был так настойчив, что банкиру в конце концов пришлось его принять. Силас Торнталь находился в своем кабинете. Войдя к нему, Саркани тщательно затворил за собой дверь. - Вы снова явились! - воскликнул банкир, едва завидел Саркани. - Что вам еще надо? Я послал вам достаточно денег, а теперь убирайтесь из Триеста! Что бы вы ни говорили, что бы ни делали, вы больше не получите от меня ни гроша! Почему вы не уехали? Предупреждаю, я приму меры, чтобы избавиться от вас! Мне надоели ваши вымогательства! Чего вы от меня хотите? Саркани очень хладнокровно встретил это нападение, к которому приготовился заранее. На этот раз у него был даже не такой наглый и вызывающий вид, как обычно, когда он бывал в доме банкира. Он не только прекрасно владел собой, но держался с достоинством. Не дожидаясь приглашения сесть, он невозмутимо направился к стулу и, усевшись, стал ждать, когда бурный поток упреков раздраженного банкира иссякнет. - Ну, будете вы, наконец, говорить? - спросил Силас Торнталь; несколько раз пройдясь по комнате, он сел против Саркани, продолжая кипеть от гнева. - Я ждал, когда вы успокоитесь, - хладнокровно ответил Саркани, - и могу еще подождать, если угодно. - Успокоился я или нет - не ваша забота! Последний раз спрашиваю, чего вам надо? - Силас Торнталь, мне надо поговорить с вами, я хочу предложить вам одно дело. - Не желаю я ни говорить с вами, ни иметь с вами никаких дел! У нас нет ничего общего, и я требую, чтоб вы покинули Триест сегодня - сейчас же! И больше сюда не возвращались! - Я и собираюсь покинуть Триест, но не хочу уезжать, пока не рассчитаюсь с вами. - Рассчитаться? Вы? Вернуть мне деньги? - Да, вернуть свой долг с процентами и вдобавок разделить с вами прибыль, если... Услышав это неожиданное предложение, Силас Торнталь только плечами пожал. - Деньги, что я вам давал, давным-давно списаны в графу непредвиденных расходов! Теперь мы квиты, и я ничего с вас не требую, я выше таких мелочей! - А если я не хочу оставаться вашим должником? - А если я хочу остаться вашим кредитором? Силас Торнталь и Саркани посмотрели друг другу прямо в глаза. Саркани пожал плечами и заметил: - Все это фразы, пустые фразы! Повторяю, я пришел предложить вам очень серьезное дело. - Не менее грязное, чем серьезное, вероятно? - Ну, вы не в первый раз воспользуетесь моими услугами для... - Все это слова, пустые слова! - воскликнул банкир, передразнивая наглый ответ Саркани. - Выслушайте меня, - сказал Саркани, - я буду краток. - Вот это хорошо. - Если то, что я предлагаю, вам не подойдет, мы прекратим разговор и я исчезну. - Отсюда или из Триеста? - И отсюда и из Триеста. - Завтра же? - Сегодня вечером. - Ну говорите! - Дело вот в чем, - начал Саркани. - Но вы уверены, что нас никто не услышит? - добавил он, оглядываясь. - Вы настаиваете, чтобы разговор остался между нами? - насмешливо спросил банкир. - Да, Торнталь, ибо в наших руках может оказаться жизнь высокопоставленных людей! - В ваших, может быть, но не в моих! - Решайте сами! Я напал на след заговора. Какова его цель, я еще не знаю. Но после ломбардской кампании, после катастрофы при Садове в стране очень много недовольных, готовых участвовать в заговоре против Австрии. И у меня есть основания думать, что готовится какое-то выступление, по-видимому, в пользу Венгрии, на котором мы можем здорово нажиться. - Я не наживаюсь на заговорах... - насмешливо ответил Торнталь. - А могли бы! - Каким же это образом? - Если донести! - Что вы хотите сказать? - Слушайте же! И Саркани рассказал банкиру все, что произошло на старом кладбище: как он случайно поймал почтового голубя и нашел зашифрованную записку, с которой снял копию, а затем разыскал дом, где жил тот, кому она предназначалась. Вот уже пять дней как они с Зироне следят за всем, что происходит если не в самом доме,

то вокруг него. Каждый вечер в особняке собирается несколько человек, все одни и те же лица, и перед тем как войти, они опасливо озираются по сторонам. За это время сюда прилетало и вновь улетало на север много почтовых голубей. Двери дома охраняет старый слуга, который очень неохотно впускает посетителей и внимательно наблюдает за всеми, кто приближается к подъезду. Саркани и его товарищу пришлось прибегать ко всяким уловкам, чтобы не привлечь к себе внимания. Да и то они опасаются, что с некоторых пор у слуги появились какие-то подозрения. Силас Торонталь слушал Саркани все с большим вниманием. Он спрашивал себя, чему можно верить в этом рассказе, так как знал, что его бывший маклер человек весьма ненадежный, а главное, банкир не понимал, чем тот думает заинтересовать его в этой истории и какую хочет извлечь из нее выгоду? Кончив свой рассказ, Саркани стал вновь уверять, что дело идет о важном политическом заговоре против Австрии и что им было бы очень выгодно его раскрыть. Однако банкир, не отвечая, стал задавать ему вопросы. - Где этот дом? - На улице Акведотто, номер восемьдесят девять. - Кому он принадлежит? - Знатному венгерскому вельможе. - Как его зовут? - Граф Ладислав Затмар. - А кто у него бывает? - Чаще всего два человека, оба венгры. - Кто такие? - Триестский профессор по имени Иштван Батори. - А второй? - Граф Матиас Шандор! При этом имени на лице Силаса Торонталья промелькнуло легкое удивление, не укрывшееся от Саркани. Этому пройдохе ничего не стоило узнать имена трех названных им людей, проследив Батори до его дома на Корса-Стадионе, а графа Шандора до гостиницы Делорм. - Видите, Торонталь, - закончил Саркани, - я не побоялся доверить вам их имена. Теперь вы убедились, что я не собираюсь водить вас за нос? - Все это слишком туманно! - ответил банкир, которому хотелось узнать побольше, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства. - Туманно? - Ну конечно! У вас нет никаких улик! - А это что? И Саркани передал Торонталью копию записки. Банкир стал разглядывать ее с некоторым любопытством. Но зашифрованные слова, казалось, не имели никакого смысла, и вряд ли можно было придавать письму такое важное значение, какое приписывал ему Саркани. Банкира это дело могло интересовать лишь потому, что оно имело какое-то отношение к графу Шандору, клиенту, который очень его беспокоил, так как в любой момент мог потребовать возвращения сделанного им вклада. - По-моему, чем дальше, тем это становится все непонятней! - заметил он. - А по-моему, напротив, все ясно, как день, - ответил Саркани, которого ничуть не смущало скептическое отношение банкира. - Вы можете расшифровать записку? - Нет, Торонталь, но со временем расшифрую. - Каким же это образом? - Мне уже приходилось участвовать в такого рода делах, как и во многих других, - ответил Саркани, - и в мои руки не раз попадали шифрованные записки. Изучив вот эту, я пришел к выводу, что ключом ей служит не числовая таблица и не условный алфавит, где каждой букве придают новое значение. Нет! В этой записке буква "с" значит "с", а буква "н" значит "н", но они расположены в таком порядке, что их можно вновь расставить по местам только с помощью сетки. Мы знаем, что Саркани не ошибался. Именно такую систему применяли заговорщики. Но поэтому-то их послания и невозможно было расшифровать. - Пусть так, - заметил банкир, - не стану спорить, быть может вы и правы. Но, не имея сетки, записку невозможно прочесть. - Несомненно. - А где же вы достанете сетку? - Этого я еще не знаю, но будьте уверены - уж я сумею ее достать! - Вот как! Знаете, Саркани, на вашем месте я не стал бы возиться с этим делом! - А я готов возиться сколько угодно! - К чему? Я бы просто сообщил триестской полиции о своих подозрениях и передал ей эту записку. - Я так и сделаю, Торонталь, но не хочу ограничиваться пустыми догадками, - ответил холодно Саркани. - Прежде чем говорить, мне надо иметь вещественные доказательства, неопровержимые улики! Я стану хозяином этого заговора, да! полным хозяином, и извлеку из него все выгоды, которые и предлагаю вам разделить со мной. Впрочем, кто знает! Возможно, нам будет выгодней стать на сторону заговорщиков, вместо того чтобы доносить на них! Такие рассуждения ничуть не удивили Силаса Торонталья. Он знал, на что способен хитрый и двуличный Саркани. Но и Саркани говорил с банкиром не стесняясь и не боялся предложить Силасу Торонталью любое дело, зная, что у того достаточно гибкая совесть. Ведь Саркани уже давно знал банкира и к тому же имел основания думать, что его банк с некоторых пор находится в затруднительном положении. Значит, если бы им удалось овладеть тайной заговора, а затем донести и нажиться на нем, это могло бы поправить пошатнувшиеся дела банка. Вот на чем Саркани строил свои расчеты. Но Силас Торонталь был начеку и вел себя очень осторожно, не доверяя своему бывшему триполитанскому агенту. Он допускал, что готовится какой-то заговор против австрийского правительства и что Саркани напал на его след. Дом Ладислава Затмара, где происходили какие-то тайные

сборища, шифрованная переписка, огромная сумма, вложенная графом Шандором в его банк, с условием, что он может потребовать ее в любое время, - все это казалось ему довольно подозрительным. Весьма возможно, что Саркани сделал правильные выводы. Но банкир не хотел принимать участия в этом деле, не ознакомившись с ним поглубже и не узнав всех подробностей. Поэтому он заметил с равнодушным видом: - Ну, а потом, когда вы расшифруете эту записку, - если вам вообще удастся ее расшифровать, - вдруг окажется, что речь идет о совершенно незначительном, чисто личном деле, из которого невозможно извлечь никакой выгоды ни для вас... ни для меня! - Нет! - воскликнул Саркани с глубоким убеждением. - Нет! Я напал на след очень серьезного заговора, во главе которого стоят высокопоставленные люди, и знаю, что и вы не сомневаетесь в этом, Торонталь! - Так чего же вы от меня хотите? - спросил банкир напрямик. Саркани встал и сказал, понизив голос, глядя банкиру прямо в глаза: - Вот чего я хочу от вас: я хочу под любым предлогом и как можно скорей проникнуть в дом Ладислава Затмара и завоевать его доверие. Когда я водворюсь в доме, где меня никто не знает, я сумею выкрасть сетку и расшифровать записку, чтобы использовать ее в наших интересах. - В наших интересах? - переспросил Силас Торонталь. - Почему вы непременно хотите впутать меня в это дело? - Потому что оно того стоит, и вы можете извлечь из него немалую выгоду. - Ну так и займитесь им сами! - Нет! Мне нужна ваша помощь! - Так объясните же наконец! - Чтобы добиться своей цели, мне нужно время, а чтобы ждать, мне нужны деньги. А денег у меня больше нет. - Для вас кредит у меня закрыт, - вы отлично знаете! - Пусть так. Вы мне откроете новый. - А что я на этом выиграю? - Слушайте: из трех названных мною людей двое - граф Затмар и профессор Батори - не имеют состояния, но третий богат, чрезвычайно богат! У него очень крупные поместья в Трансильвании. А вам известно, что если он будет арестован как заговорщик и осужден, то большая часть его конфискованного имущества пойдет в виде вознаграждения тем, кто раскрыл заговор. И мы с вами разделим между собой эту часть, Торонталь! Саркани замолчал. Банкир не отвечал ему. Он думал о том, стоит ли ему вступать в эту игру. Конечно, он не стал бы компрометировать себя, принимая личное участие в подобном деле, но он знал, что его агент способен вести игру за двоих. И если Торонталь решит косвенно участвовать в этой махинации, он сумеет связать Саркани таким договором, который даст банкиру полную власть над его агентом и позволит самому остаться в тени... Однако он колебался. А впрочем, чем он рискует? Ведь он не будет фигурировать в этом грязном деле, а только воспользуется всеми его выгодами, а выгоды, возможно, будут огромные, и он сможет упрочить положение своего банка... - Итак, что же? - спросил Саркани. - Итак - нет! - ответил Силас Торонталь, решив, что слишком опасно иметь дело с таким сотрудником, или, вернее, сообщником. - Вы отказываетесь? - Да, отказываюсь! Прежде всего я не верю в успех ваших происков... - Берегитесь, Силас Торонталь! - воскликнул Саркани угрожающим тоном, уже больше не сдерживаясь. - Чего же мне беречься, позвольте вас спросить? - Ведь я знаю за вами кое-какие дела... - Ступайте вон, Саркани! - И сумею вас заставить... - Убирайтесь! В эту минуту послышался легкий стук в дверь кабинета. Саркани быстро отступил к окну, дверь открылась, и лакей громко возвестил: - Граф Шандор просит господина Торонталья его принять! И тут же удалился. - Граф Шандор! - воскликнул Саркани. Банкир был очень недоволен, что Саркани узнал об этом посещении. Вместе с тем он предчувствовал, что неожиданный визит графа грозит ему большими неприятностями. - Вот как! Зачем сюда пожаловал граф Шандор? - спросил Саркани насмешливо. - Значит, вы поддерживаете связь с заговорщиками из графского дома? Уж не попал ли я к одному из них? - Уберетесь ли вы наконец? - Ну нет! Я не уберусь, Торонталь, пока не узнаю, зачем граф Шандор посещает ваш банк! С этими словами он бросился в соседнюю комнату и скрылся за портьерой. Силас Торонталь хотел было крикнуть, чтобы его прогнали, но передумал. - Нет, - пробормотал он, - если уж так, то, пожалуй, лучше, чтоб Саркани слышал наш разговор. Банкир позвонил и приказал лакею немедленно ввести графа Шандора. Матиас Шандор вошел в кабинет, как всегда сдержанный и спокойный, холодно ответил на низкий поклон Торонталья и сел в пододвинутое банкиром кресло. - Господин граф, - сказал банкир, - я не ожидал вашего визита, так как не знал, что вы вернулись в Триест; но банк Торонталья всегда гордится таким гостем. - Господин Торонталь, - ответил Матиас Шандор, - я лишь один из ваших многочисленных клиентов и, как вы знаете, не веду никаких дел. Но я вам благодарен за то, что "вы согласились принять на хранение наличные деньги, которые были у меня на руках. - Позвольте вам напомнить, господин граф, что эти деньги положены в моем банке на текущий счет и приносят вам доход. - Да, я знаю, но повторяю, что это было не помещение капитала, а простой вклад для хранения. - Пусть так,

однако в наше время деньги очень дороги, и было бы неразумно, если бы ваш капитал лежал без движения. Стране грозит финансовый кризис. Создалось очень трудное внутреннее положение. Все дела парализованы. Несколько крупных банкротств подорвали всякий кредит, и можно опасаться новых катастроф. - Однако ваш банк стоит прочно по-прежнему, - заметил Матиас Шандор, - и мне известно из достоверных источников, что на нем мало отразились все эти банкротства. - Да, очень мало! - ответил Силас Торонталь совершенно спокойно. - Мы ведем также крупные дела, связанные с торговлей на Адриатическом море, что недоступно для банков Пешта и Вены, вот почему нас лишь слегка коснулся кризис. Нас не приходится жалеть, господин граф, да мы и не жалуемся. - Очень рад за вас, господин Торонталь. Однако я хотел вас спросить, не приходилось ли вам слышать о каких-нибудь внутренних осложнениях в стране, связанных с этим кризисом? Хотя граф Шандор задал свой вопрос равнодушным тоном и как бы невзначай, услышав его, Силас Торонталь насторожился. Не имел ли этот вопрос отношения к тому, о чем ему только что говорил Саркани? - Я ничего не знаю, - ответил он, - и не слышал, чтобы австрийское правительство питало какие-либо опасения на этот счет. Может быть, у вас, господин граф, есть основание думать, что готовится какое-нибудь событие... - Отнюдь нет, но нередко в банковских кругах бывает гораздо раньше известно о событиях, которые широкая публика узнает лишь впоследствии. Вот почему я задал вам этот вопрос, разумеется, оставляя за вами право не отвечать на него. - Нет, я ничего не слышал, и будьте уверены, господин граф, что я счел бы своим долгом предупредить такого клиента, как вы, если бы узнал, что его интересам что-нибудь угрожает! - Очень вам благодарен, господин Торонталь, я тоже думаю, что нам нечего опасаться, ибо в стране все спокойно. Поэтому я собираюсь вскоре покинуть Триест и вернуться в Трансильванию, где меня ждут неотложные дела. - Вот как! Вы скоро уезжаете, господин граф? - с живостью спросил Торонталь. - Да. Недели через две, самое большее. - Но, вероятно, скоро вернетесь в Триест? - Не думаю. Но прежде чем уехать, я хотел бы привести в порядок всю отчетность по моему поместью Артенак, немного запущенную за последнее время. Я получил от моего управляющего много счетов, арендных договоров и других бумаг, которыми мне некогда заняться. Не можете ли вы рекомендовать мне счетовода или кого-нибудь из ваших служащих, кто сделал бы для меня эту работу? - Мне ничего не стоит найти такого человека. - Я буду вам очень обязан. - А когда вам нужен этот счетовод? - Чем скорее, тем лучше. - Куда он должен явиться? - В дом моего друга, графа Затмара, на улице Акведотто, номер восемьдесят девять. - Все будет сделано. - Эта работа займет всего дней десять, а как только мои дела будут приведены в порядок, я уеду в замок Артенак. Поэтому я прошу вас приготовить мой вклад. Услышав эти слова, Силас Торонталь невольно вздрогнул, но граф Шандор этого не заметил. - Какого числа вы хотели бы получить ваши деньги? - Восьмого будущего месяца. - Деньги будут в вашем распоряжении. Закончив разговор, граф Шандор встал, и банкир проводил его до передней. Когда Силас Торонталь вернулся в свой кабинет, он застал там Саркани, который коротко сказал ему: - Через два дня вы введете меня в дом графа Затмара в качестве счетовода. - Прядется, ничего не поделаешь, - ответил Силас Торонталь.

4. ШИФРОВАННАЯ ЗАПИСКА

Два дня спустя Саркани водворился в доме Ладислава Затмара. Он был представлен Силасом Торонталем и по его рекомендации принят графом Шандором. Итак, банкир и его агент стали сообщниками в этом грязном деле. Какова их цель? Раскрыть тайну заговора, которая может стоить жизни его руководителям. Что это им даст? За донос они получают огромную сумму, часть которой попадет в карман пройдохи, жаждущего легкой наживы, а часть в кассу запутавшегося банкира, неспособного выполнить свои обязательства. Нечего и говорить, что Силас Торонталь и Саркани заключили между собой договор, по которому обязались разделить поровну будущие доходы. Кроме того, банкир должен был дать Саркани денег, чтобы тот мог вести приличную жизнь в Триесте со своим товарищем Зироне и приобретать все, что потребуется для выполнения задуманного плана. Со своей стороны Саркани в качестве гарантии отдал банкиру копию записки, с помощью которой он раскроет - в этом он не сомневался - тайну заговора. Многие, пожалуй, обвинят Матиаса Шандора в неосторожности. Вводить неизвестного человека в дом, где решаются самые важные дела, накануне восстания, сигнал к которому будет подан с минуты на минуту, - это и в самом деле может показаться величайшей неосторожностью. Но граф действовал так под давлением обстоятельств. Во-первых, ему

необходимо было привести в порядок свои дела перед тем, как броситься в это опасное предприятие, которое в случае неудачи могло бы окончиться его гибелью или по меньшей мере изгнанием. Во-вторых, он думал, что если введет в дом графа Затмара постороннего человека, то это может рассеять подозрения. Вот уж несколько дней ему казалось, что какие-то шпионы рыщут вокруг дома на Акведотто, и мы знаем, что он не ошибался, ибо этими шпионами были Саркани и Зироне. Неужели триестская полиция что-то заподозрила и следит за ним и за его друзьями? Граф Шандор мог это предположить, во всяком случае он этого опасался. Если место собраний заговорщиков, куда до сих пор не допускали посторонних, стало вызывать подозрения, то лучший способ рассеять эти подозрения - ввести в дом конторщика, который будет заниматься простой проверкой счетов. С другой стороны, могло ли присутствие в доме постороннего человека представлять опасность для графа Затмара и его друзей? Нет, никакой. Шифрованная переписка между Триестом и другими австро-венгерскими городами прекратилась. Все бумаги, связанные с заговором, были уничтожены. Не осталось никаких следов деятельности заговорщиков. Все было подготовлено, все нужные меры приняты. Графу Шандору оставалось только дожидаться подходящей минуты и подать сигнал. Следовательно, если правительство что-то заподозрило, то введение в дом этого конторщика поможет графу отвести от себя подозрения. Несомненно, такое рассуждение было бы правильным, а принятая предосторожность разумной, если бы этим конторщиком не оказался Саркани, а его поручителем - Силас Торонталь! К тому же Саркани, искусный актер, умел прекрасно использовать свои внешние данные: открытое лицо, добродушный взгляд, простые и скромные манеры. Граф Шандор и его друзья, обманутые его наружностью, попали в расставленные им сети. Молодой конторщик оказался старательным, услужливым, способным и вдобавок очень умелым счетоводом. В этом доме ничто не могло бы навести Саркани на мысль (если бы он не знал об этом заранее), что он находится среди руководителей заговора, готовых поднять венгерский народ против австрийских угнетателей. Друзья Ладислава Затмара, казалось, приходят только для того, чтобы поговорить о науке и об искусстве. Не было никакой секретной переписки, никаких таинственных посетителей. Но Саркани знал, что за этим что-то кроется. В конце концов ему должен представиться счастливый случай, и он ждал его. Саркани проник в дом Ладислава Затмара с единственной целью: достать сетку, которой пользовались для расшифровки писем. Но теперь в Триест не приходило ни одного зашифрованного письма, и он спрашивал себя: уж не уничтожили ли сетку для полной безопасности? Он очень этого боялся, так как на ней строился весь его план: без сетки невозможно прочесть записку, принесенную почтовым голубем. Итак, проверяя и приводя в порядок счета Матиаса Шандора, он не переставал наблюдать, подсматривать, подслушивать. Доступ в кабинет, где собирались Ладислав Затмар и его друзья, не был ему закрыт. Часто он даже работал там в одиночестве. Тут уж он не читал бумаги и не записывал цифры - он был занят совсем другим: с помощью набора отмычек, изготовленных Зироне, мастером этого дела, он открывал ящик за ящиком и рылся в бумагах. Однако он был все время настороже, опасаясь, как бы его не увидел Борик, которому он, казалось, не внушал ни малейшей симпатии. Первые пять дней поиски Саркани оставались безуспешными. Каждое утро он приходил с новой надеждой; каждый вечер возвращался в гостиницу ни с чем. Он уже начал опасаться, как бы его преступная затея не провалилась. И правда, восстание (а он не сомневался, что речь шла о восстании) могло разразиться каждый день, то есть прежде, чем он успеет раскрыть заговор и донести о нем куда следует. - Чем лишиться вознаграждения за донос, дожидаясь прямых улик, - говорил ему Зироне, - не лучше ли сообщить свои подозрения полиции и передать ей копию записки? - Да! - отвечал Саркани. - И я это сделаю, если понадобится. Нечего и говорить, что Силас Торонталь был в курсе всех его махинаций, и Саркани стоило немалых трудов успокаивать нетерпеливого банкира. И все же случай снова пришел ему на помощь. В первый раз он помог ему найти зашифрованную записку, а во второй - прочесть ее. Был последний день мая, около четырех часов пополудни. Саркани собирался, как обычно, в пять часов покинуть дом графа Затмара. Он был сильно обескуражен: с первого дня он не продвинулся ни на шаг, а между тем работа, порученная ему графом Шандором, подходила к концу. Как только она будет закончена, его несомненно рассчитают, поблагодарив и заплатив за труды, и у него не останется никакого предлога бывать в этом доме. Сейчас Ладислав Затмар и его друзья ушли. В доме оставался один Борик, занятый какой-то работой в зале на нижнем этаже. Воспользовавшись случаем, Саркани решил проникнуть в комнату графа Затмара, что ему до сих пор не удавалось, и заняться самыми тщательными розысками. Дверь была заперта на ключ; Саркани

открыл ее с помощью отмычки и вошел. В простенке между двумя выходящими на улицу окнами стоял старый секретер, который привел бы в восторг любителя старинной мебели. Его опускающаяся крышка была заперта, скрывая расположение ящиков. Впервые Саркани представилась возможность обыскать этот секретер, и не такой он был человек, чтоб упустить подобный случай. Чтобы добраться до ящиков, надо было лишь открыть опускающуюся крышку, что Саркани и сделал, пустив в ход отмычку, нисколько не повредив при этом замка. Роясь в столе, Саркани дошел уже до четвертого ящика, когда заметил под грудой бумаг, которые его ничуть не интересовали, квадратный кусочек картона, в котором были прорезаны дырочки. Он тотчас же обратил на него внимание. "Вот она, сетка!" - подумал он. И не ошибся. В первую минуту Саркани хотел было выкрасть ее, но, поразмыслив, решил, что если граф Затмар обнаружит пропажу сетки, то это навлечет на него подозрения. - Ладно, - сказал он себе, - если я снял копию с записки, то сумею скопировать и сетку, а тогда мы с Торонталем спокойно расшифруем послание. Сеткой служил квадратный кусочек картона, размером шесть на шесть сантиметров, разделенный на тридцать шесть клеточек, примерно в квадратный сантиметр каждая. Из этих тридцати шести квадратиков, расположенных в шесть вертикальных и горизонтальных рядов, подобно таблице Пифагора, но построенной на шести числах, девять были вырезаны, то есть в картоне было проделано девять дырочек. Чтобы снять точную копию сетки, Саркани положил ее на листок чистой бумаги и обвел карандашом, причем указал место, где стоял маленький, сделанный чернилами крестик, по-видимому обозначавший верхний край сетки. Затем он обвел карандашом пустые квадратики и пронумеровал места, которые они занимали; оказалось, что в первом ряду вырезаны 2-й, 4-й и 6-й квадратики; во втором ряду 5-й; в третьем - 3-й; в четвертом - 2-й и 5-й; в пятом - 6-й; а в шестом - 4-й. Мы приводим здесь эту сетку, которая вскоре помогла Саркани и банкиру Торонталу осуществить их преступный замысел [на рисунке все белые клетки вырезаны]: # O # O # O # # # # O # # # O # # # # O # # O # # # # # O # # # O # # # Sрисовать сетку было для Саркани делом нескольких минут. Теперь ему ничего не стоит перевести рисунок на картон и вырезать его, а тогда он, без сомнения, сможет прочесть зашифрованную записку, хранившуюся у Силаев Торонтала. Итак, Саркани сунул сетку обратно в ящик под бумаги и вышел из комнаты, а затем из дома Ладислава Затмара и поспешил вернуться к себе в гостиницу. Спустя четверть часа он уже входил в комнату, которую занимал вместе с Зироне; у него был такой торжествующий вид, что тот, взглянув на товарища, громко крикнул: - Эй! Что с тобой, приятель? Будь осторожней! Ты лучше умеешь скрывать свои неудачи, чем радости. Смотри, как бы лицо тебя не выдало... - Будет тебе болтать, Зироне, - ответил Саркани. - Время не терпит! Скорее за дело! - Как, даже не поужинав? - Сейчас не до ужина! С этими словами Саркани достал кусок тонкого картона. Положив на него свой рисунок, он вырезал квадрат точно такого же размера, не забыв поставить крестик на его верхнем краю, и, взяв линейку, расчертил картон на тридцать шесть равных квадратиков. Затем он аккуратно вырезал ножом девять квадратиков, указанных на рисунке, так, чтобы в эти отверстия можно было видеть слова, буквы или цифры криптограммы, на которую наложится сетка. Зироне, сидя против Саркани, следил за каждым его движением возбужденным взглядом сообщника. Работа товарища тем более интересовала его, что он сообразил, какая система зашифровки применялась в этой переписке. - Ловко! - воскликнул он. - Очень ловко! Эта штука сослужит нам хорошую службу! Как подумаю, что в каждой пустой клеточке может поместиться целый миллион... - Даже больше! Закончив работу, Саркани встал и спрятал картонный квадрат в бумажник. - Завтра чуть свет я буду у Торонтала, - сказал он. - Ну, горе его кассе! - Записка, правда, у него, но зато сетка у меня! - На этот раз он должен сдаться! - Еще бы! - Значит, теперь можно поужинать? - Можно. - Так приступим! И Зироне, не страдавший отсутствием аппетита, отдал честь прекрасному ужину, который он, по обыкновению, заказал себе. На другой день, 1 июня, в восемь часов утра, Саркани явился в банк, и Силас Торонталь приказал немедленно ввести его к себе в кабинет. - Вот сетка, - коротко сказал Саркани, протягивая ему вырезанный им накануне кусочек картона. Банкир взял его и стал вертеть в руках, пожимая плечами; казалось, он не разделял надежд своего сообщника. - Давайте попробуем, - сказал Саркани. - Попробуем. Силас Торонталь достал из ящика стола копию записки и положил ее перед Саркани. Эта записка, как помнит читатель, состояла всего из восемнадцати слов по шести букв в каждом и не имела никакого смысла. Очевидно, каждая буква слова должна занять одну из клеточек, расположенных в шесть рядов. Таким образом, первые шесть слов записки, насчитывающие тридцать шесть букв, должны занять все клетки. Действительно, можно легко убедиться, что квадратики этой сетки так хитро расположены,

что если повернуть ее четыре раза с ребра на ребро, то пустые клеточки всякий раз занимают новые места. Нетрудно доказать, что это именно так. Для этого положим сетку на лист чистой бумаги и напишем во всех вырезанных клеточках цифры, начиная от 1 до 9, по одной в каждой клеточке; затем повернем сетку направо, на следующее ребро, и напишем цифры от 10 до 18; снова повернем сетку направо и напишем цифры от 19 до 27; и, наконец, поверяем ее в последний раз и напишем цифры от 28 до 36, тогда цифры займут все тридцать шесть квадратиков, образующих сетку. Поэтому Саркани следовало сначала расшифровать первые шесть слов записки, приложив к ним сетку четыре раза, затем проделать ту же операцию со следующими шестью словами и, наконец, с последними шестью словами и таким образом разобрать все восемнадцать слов, из которых состояла криптограмма. Разумеется, Саркани сообщил Силасу Торонталю свои домыслы, и банкир должен был с ним согласиться. Оставалось узнать, подтвердится ли на практике эта теория? Вот как выглядела криптограмма, которую мы считаем нужным вновь показать читателю: зцифну исайтчу оехивр сигдкн ыуелмс иоеттж оишевк ониввп ошзьяг взааиь лнаода риевийо кзтяси тлнрго смпвси еонрам сиупвс еаднжр Сначала надо было расшифровать первые шесть слов. Саркани написал их на листе чистой бумаги, расставив буквы таким образом, чтобы каждая из них приходилась против одной из клеточек сетки. У него получилась следующая табличка: з ц и ф н у с и г д к н о и ш е в к в э а а и ь к з т я с и е о н р а м Затем он наложил на эту табличку сетку так, чтобы отмеченная крестиком сторона оказалась сверху. Тогда в прорезанных клеточках появились такие буквы: . ц . ф . у к . . . ш э . . и и . . . р . . Теперь Саркани поставил сетку так, чтобы ее верхняя сторона стала правым боковым ребром таблицы. На этот раз в прорезанных квадратиках появились следующие буквы: г . . н . . . е . . в е . . т . с . . о . . м Когда Саркани приложил сетку в третий раз, он получил и тщательно записал такие буквы: . . и . . . с и . . в а . . . з е . н . а . Торонталья и Саркани чрезвычайно удивляло, что получившиеся слова не имели никакого смысла. Они думали, что смогут свободно прочесть текст, найденный с помощью сетки, но у них всякий раз получалась полная бессмыслица. Неужели записку невозможно расшифровать? Они приложили сетку в четвертый раз и получили следующий результат: з . . . н . . и . д . . о . . . к . . а . . . к . . я Опять никакого смысла! Вот какие у них получились слова: ц ф у к ш э и и р г н е в ь т с о м и с и в а з е н а з н и д о к а к я Увы, они совершенно ничего не значили! Саркани не мог сдержать свою злость и разочарование. Банкир покачал головой, не скрывая насмешки. - Возможно, что заговорщики для расшифровки своей переписки пользовались какой-нибудь другой сеткой! - язвительно заметил он. Саркани так и подскочил на месте. - Давайте продолжать! - воскликнул он. - Давайте. Саркани била нервная дрожь, но он взял себя в руки и вновь принялся за прерванный опыт, перейдя к шести словам, стоявшим в следующем столбце. Четыре раза прикладывал он к ним сетку, поворачивая ее направо с ребра на ребро, и получил четыре ряда букв. Опять полная бессмыслица! с т у м и н д о п е с в л а н г и е й ы н в о л с у в и ч у л о п а т с На этот раз Саркани швырнул сетку на стол и выругался, словно матрос. Как ни странно, но Торонталь, напротив, сохранял полное хладнокровие. Он внимательно рассматривал получившиеся слова, вдумываясь в них. - К черту все сетки и того, кто их выдумал! - воскликнул Саркани, вскакивая. - Может быть, вы сядете? - сказал Силас Торонталь. - Зачем? - И попробуете еще раз? Саркани с удивлением посмотрел на Торонталья и снова сел. Четыре раза приложил он сетку к последним шести словам, но делал это как-то машинально, не вдумываясь. Вот слова, полученные им в последний раз: е и р т з и й и н е ж я р о п с а р х и ш а в м е д ж о в о т о г е с в Как и все предыдущие, они не имели ни малейшего смысла. Саркани, вне себя от ярости, схватил листок, на котором стояли эти нелепые слова, и хотел его разорвать. Но Торонталь удержал его. - Спокойнее, - сказал он. - Бросьте! - воскликнул Саркани? - На кой черт нам эта записка, если ее невозможно расшифровать! - Напишите все эти слова подряд одно за другим, - невозмутимо сказал банкир. - А зачем? - Посмотрим. Саркани послушался и получил следующий набор букв: цфукшэииргневътсомисивазеназнидокакя умивазеназнидокакястуминдопесвлангисйынволсувичулопатсеиртзийинежяропсархишавмеджовотогесв Как только эти буквы были написаны, Силас Торонталь выхватил листок из рук Саркани и, прочитав их, громко вскрикнул. Теперь банкир в свою очередь потерял самообладание. Саркани с удивлением спрашивал себя, уж не сошел ли тот с ума. - Читайте же! - воскликнул Торонталь, протягивая Саркани листок. - Читайте! - Что тут читать?.. - Да неужели вы не видите, что, прежде чем зашифровать слова с помощью сетки, их написали в обратном порядке?! Саркани схватил листок и прочел справа налево следующую фразу: Все готово. Ждем

ваших распоряжений из Триеста. Получив условный сигнал, все поднимутся как один за независимость Венгрии. Эшкуфц. - А что значат последние шесть букв? - спросил он. - Это условная подпись! - Наконец-то они в наших руках! - Но пока еще не в руках полиции. - Это уж мое дело! - Но вы сохраните полную тайну? - Будьте спокойны. Кроме губернатора, никто не узнает имена двух благородных патриотов, которым удалось раскрыть заговор против Австрийской империи! И в тоне и в жестах этого негодяя сквозила злая насмешка. - Значит, теперь от меня ничего не требуется? - холодно спросил банкир. - Ничего, - ответил Саркани. - Вам останется только получить свою долю барыша. - Когда же? - Когда падут три головы, которые принесут нам больше миллиона каждая. На этом Торонталь и Саркани расстались. Если они хотели воспользоваться попавшей им в руки тайной и донести на заговорщиков прежде, чем вспыхнет восстание, им следовало торопиться. На другой день Саркани, как ни в чем не бывало, отправился в дом Ладислава Затмара. Он продолжал свою счетную работу, которая уже подходила к концу. Граф Шандор, поблагодарив его за усердие, предупредил, что через неделю не будет нуждаться в его услугах. Саркани догадался, что примерно в это время из Триеста будет послан сигнал во все крупные венгерские города. Итак, Саркани продолжал внимательно наблюдать за всем, что происходило в доме графа Затмара, не вызывая ни малейших подозрений. Всем нравился этот скромный молодой человек, который казался искренним сторонником освободительных идей, - он не скрывал своего непреодолимого отвращения ко всему немецкому, - короче говоря, проходимец так ловко вел свою игру, что граф Шандор даже думал впоследствии, когда Венгрия станет свободной страной, взять его к себе на службу. Борик, и тот отказался от предубеждения, которое чувствовал вначале к молодому человеку. Саркани полностью достиг своей цели. Посоветовавшись с друзьями, граф Шандор решил дать сигнал к восстанию 8 июня. И вот этот день наступил. Но предатели уже сделали свое дело. Около восьми часов вечера триестская полиция неожиданно ворвалась в дом Ладислава Затмара. Всякое сопротивление было бесполезно. Граф Шандор, граф Затмар, профессор Батори, сам Саркани, который и не думал протестовать, и старый Борик были арестованы, и в городе никто не узнал об их аресте.

5. ПЕРЕД СУДОМ, НА СУДЕ И ПОСЛЕ СУДА

Истрия, вошедшая по договорам 1815 года в Австро-Венгерскую империю, как ее провинция, представляет собой треугольный полуостров, причем основанием треугольника служит перешеек. Этот полуостров расположен между Триестским заливом и заливом Кварнеро, и на его побережье немало портов. Среди них на южном мысу находится порт Пола, где в то время правительство начало строить первоклассную морскую гавань и арсенал. Истрия, особенно ее западное побережье, оставалась чисто итальянской, даже венецианской, как по своим обычаям, так и по языку. Славянский дух еще кое-где боролся в Истрии с итальянским, но немецкое влияние проникало туда лишь с большим трудом. В этой стране, омываемой волнами Адриатики, немало крупных городов как на побережье, так и в глубине полуострова. Таковы Капо д'Истрия и Пирано, почти все население которых работает в громадных солеварнях в устьях Ризано и Корна-Лунги; Паренцо, административный центр, где собирается сейм и находится резиденция епископа; Ровинь, богатство которого составляют оливковые деревья; и, наконец, Пола, посещаемый многочисленными туристами, которые приезжают осматривать там великолепные памятники римской культуры; этот город должен со временем стать одним из самых крупных военно-морских портов на Адриатическом море. Но ни один из этих городов не мог бы по праву называться столицей Истрии. Эта честь принадлежит Пизино, находящемуся почти в самом центре полуострова; туда и должны были отправить не подозревавших об этом заговорщиков сразу же после ареста. У ворот дома Ладислава Затмара их ожидала почтовая карета. Все четверо тотчас же вошли в нее, а рядом с ними уселись два австрийских жандарма, из тех, что охраняют безопасность путешественников на истрийских дорогах. Значит, заключенным не позволят разговаривать в пути, чтобы они ни о чем не могли договориться до суда. Эскорт из двенадцати конных жандармов под командой лейтенанта окружил карету, и через десять минут она уже выехала за город. А Борик был немедленно отправлен в триестскую тюрьму и посажен в одиночную камеру. Куда же везли арестованных? В какую крепость собиралось заключить их австрийское правительство, по-видимому, считавшее триестскую тюрьму недостаточно надежной? Вот что очень хотелось бы узнать графу Шандору и его друзьям, но их

попытки ни к чему не привели. Стояла темная ночь. Фонари кареты освещали лишь кусок дороги и спины скакавших впереди жандармов. Лошади мчались во весь опор. Матиас Шандор, Иштван Батори и Ладислав Затмар молча, и неподвижно сидели по углам кареты. Молчал и Саркани, не пытаясь протестовать против своего ареста или хотя бы выяснить его причину. Выехав из Триеста, почтовая карета свернула в сторону и снова приблизилась к берегу моря. Сквозь стук копыт и бряцание сабель граф Шандор слышал отдаленный гул прибоя. Во мраке мелькнули несколько огоньков и через минуту исчезли. Карета пронеслась, не останавливаясь, мимо маленького городка Муджа. Затем графу Шандору показалось, что дорога снова удаляется от моря. Около одиннадцати, часов вечера они остановились, чтобы сменить лошадей. Почтовой станции здесь не было, только небольшая ферма, где лошади уже стояли наготове. По-видимому, жандармы не хотели заезжать в Капо д'Истрия. Карета снова двинулась в путь. Теперь они ехали среди виноградников; лозы свисали фестонами с тутовых деревьев, окаймлявших дорогу; местность была ровная, и лошади неслись вскачь. Стояла непроглядная тьма: все небо заволочили густые облака, принесенные сильным юго-восточным ветром - сирокко. Хотя окна кареты иногда открывали, чтобы впустить немного свежего воздуха, - в Истрии летние ночи очень жарки, - даже вблизи ничего нельзя было разглядеть. Как ни напрягали зрение граф Шандор и его друзья, пытаясь примечать в пути каждую мелочь, как ни старались определить направление ветра и сообразить, сколько времени они уже в пути, им не удалось даже понять, в какую сторону они едут. По-видимому, власти решили вести следствие в строжайшей тайне и в месте никому не известном. Около двух часов ночи вновь сменили лошадей. Как и в первый раз, на это ушло не больше пяти минут. Графу Шандору показалось, что он смутно видит очертания домов, стоящих у дороги, должно быть на окраине какого-то города. Это был город Буг, районный центр, расположенный в двадцати милях к югу от Муджа. Как только запрягли лошадей, жандармский лейтенант шепнул несколько слов кучеру, и карета помчалась дальше. Около половины четвертого должен был начаться рассвет. Через час пленники могли бы определить по солнцу, в каком направлении они двигаются, хотя бы узнать, едут ли на север или на юг от Триеста. Но тут жандармы захлопнули ставни на окнах кареты, и пассажиры продолжали путь в полной темноте. Никто из них не произнес ни слова. Они звали, что от жандармов ничего не добьешься. Лучше всего набраться терпения и ждать. Прошел час, а может быть, и два, - путникам трудно было определить время, - когда карета остановилась последний раз в городке Визинаде и, быстро сменив лошадей, покатила дальше. Путники заметили, что теперь карета поднимается в гору. Слышались крики кучера, подгонявшего лошадей, щелканье бича и стук подков о крутую каменистую дорогу в какой-то гористой местности. Кругом уступами вздымались холмы, покрытые сероватыми лесами, закрывая далекую линию горизонта. Несколько раз до пленников доносились звуки свирели, это пастухи перегоняли стада черных коз, наигрывая причудливые мелодии; но по этим признакам пленники не могли догадаться, где проезжают, а видеть они по-прежнему ничего не могли. Было, наверно, часов девять утра, когда они почувствовала, что дорога изменилась. Ошибиться было невозможно: подъем кончился; преодолев какой-то перевал, они быстро покатили под гору. Лошади неслись с такой быстротой, что приходилось несколько раз притормаживать колеса кареты. Действительно, в этих местах дорога сначала извивается, поднимаясь среди холмов, над которыми господствует гора Маджоре, а затем начинается спуск к городу Пизино. Хотя этот город и расположен на плоскогорье высоко над уровнем моря, но если смотреть на него с близлежащих холмов, кажется, что он спрятался в глубокой долине. Еще задолго до въезда в город вдали показывается колоколенка, возвышаясь над живописными группами домов, карабкающихся по уступам горного склона. Пизино - главный город округа, насчитывающего около двадцати пяти тысяч жителей. Он находится почти в центре треугольного полуострова, и в него со всех сторон стекаются представители различных славянских народностей, морлаки и даже цыгане, особенно во время ярмарок, когда тут идет бойкая торговля. Древняя столица Истрии до сих пор сохранила средневековый облик; особенно характерна старинная крепость, которая возвышается над более современными зданиями, где помещаются австрийские административные учреждения. Девятого июня, около десяти часов утра, почтовая карета, после пятнадцатичасового пути, въехала во двор этой крепости и остановилась. Граф Шандор, его товарищи и Саркани вышли из кареты. Через несколько минут арестованных заперли в отдельных камерах с низкими сводами, куда их провели по лестнице, насчитывавшей не менее пятидесяти ступеней. Заговорщиков ждало строгое одиночное заключение. В дороге они не могли общаться друг с другом и не

успели обменяться мыслями, но всех мучил один и тот же вопрос. Как удалось полиции раскрыть заговор? Случайно ли она напала на его след? Ведь были приняты все меры предосторожности! Между Триестом и городами Венгрии и Трансильвании давно не велось никакой переписки. Неужели их предали? Но в таком случае кто же предатель? Они никому не вверяли своей тайны. Ни одно письмо не могло попасть в руки шпиона. Все бумаги тотчас же уничтожались. Сколько бы ни рылись во всех углах дома на улице Акведотто, там все равно ничего не могли бы найти! Впрочем, так оно и было. Полиции ничего не удалось обнаружить, кроме сетки, которую граф Затмар не уничтожил, считая, что она еще может ему понадобиться. И, к несчастью, эта сетка послужит вещественным доказательством, ведь нельзя будет отрицать, что ею пользовались для шифрованной переписки. В действительности (этого заключенные еще не знали) все обвинение было построено на копии записки, которую Саркани с Торонталем передали губернатору Триеста, расшифровав ее текст.